

Подшивалова Алла
Владимировна

Москва – муза Бориса
Пастернака

Живые экскурсии по
Москве

6+

Алла Подшивалова

Москва – муза Бориса Пастернака

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Подшивалова А. В.

Москва – муза Бориса Пастернака / А. В. Подшивалова —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Предлагаемые путеводители по Москве предназначены гидам-переводчикам, экскурсоводам, учителям, ученикам и их родителям, и всем интересующимся поэтическим образом вечного города с его неповторимой цветовой гаммой и богатством постоянно меняющихся панорам. С книгой в руках вы самостоятельно можете организовать свой досуг на 3-4 часа или разбить прогулку на части. Материалы книги взяты из хорошо проверенных источников, а более чем пятидесятилетний опыт работы гидом-переводчиком и экскурсоводом позволил автору органично связать их с ниткой и временем маршрутов.

© Подшивалова А. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Москва – муза Бориса Пастернака	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Уважаемые пользователи интернета!

Предлагаемые путеводители по Москве в первую очередь предназначены гидам-переводчикам, экскурсоводам, туроператорам, родителям, учителям и учащимся школ, а также всем тем, кого интересует Первопрестольная, ее история, история ее архитектуры, поэзии и прозы...

С текстами в руках вы самостоятельно можете организовать свой досуг и досуг ваших друзей, используя всю информацию, рассчитанную на 3–4 часа, или разбив ее на части. Главное достоинство работ заключается в том, что информация путеводителей четко соизмерима со временем маршрутов.

Автор-составитель сочтет свою цель достигнутой, если эти путеводители помогут ближе почувствовать своеобразие облика и внутреннего духа Москвы и, может быть, пробудят более глубокий интерес к ее истории.

Составитель, не желая утомлять читателя, преднамеренно избегает в описании достопримечательностей обилия статистических данных. Свою задачу он видит в создании поэтического образа вечного города, с его неповторимой цветовой гаммой, богатством постоянно меняющихся панорам.

*Пятидесятилетний опыт работы гидом-переводчиком и экскурсоводом позволил автору **составить** не только тексты, но, что было особенно важно, **связать их с ниткой маршрутов.***

В 2008 году в издательстве «Спутник» вышли две книжки автора данного сайта: «Милое мое Замоскворечье» и «Голубая лента Москвы».

(Более полную информацию любознательный читатель найдет в Приложениях).

Темы предлагаемых экскурсий:

Москва – муза Б. Пастернака.

«Милое мое Замоскворечье».

Москва-река.

Москва в поэзии и прозе.

Москва Сталинская.

Москва 1812 года.

Кружево Арбата.

По дороге в Сергиев Посад.

С уважением и благодарностью за отклики и замечания, автор-составитель

А. В. Подшивалова

Москва – муза Бориса Пастернака

Маршрут предлагаемой экскурсии:

Сокольники – ул. Стромынка – Каланчевская пл. – ул. Мясницкая – Новая пл. – Старая пл. – Москворецкий мост – Большая Ордынка – Лаврушенский пер. – Большой Каменный мост – Пречистенская наб. – ул. Волхонка – Гоголевский бульвар – Никитский бульвар – ул. Большая Никитская – Консерватория – Манежная пл. – ул. Тверская – Камергерский пер. – Пушкинская пл. – Тверской бульвар – ул. Спиридоновка – Вспольный пер. – Большая Никитская – Никитский бульвар – ул. Поварская – Садовое кольцо – Оружейный пер. – ул. Садовая Каретная – Каретный ряд – ул. Петровка – Театральная пл.

При составлении путеводителя были использованы публикации *«Нового Журнала»*, газет *«Русская Мысль»*, *«Литературная»*, *«Независимая»*, а также:

«Встречи с прошлым». РГАЛИ, выпуск 8. – М.: Русская книга, 1996.

Борис Пастернак об искусстве. – М.: **Искусство**, 1990.

Борис Пастернак. Собрание сочинений в пяти томах. – М.: Художественная литература, 1992

Борис Пастернак. **Доктор Живаго**. – М.: Книжная палата, 1989.

Борис Пастернак, Зинаида Пастернак. **Письма. Воспоминания**. – М.: ГРИТ, Дом-музей Б. Пастернака, 1993.

А. Сергеева-Клятис, В. Смолицкий. **Москва Бориса Пастернака**. – М.: Совпадение, 2009.

Б. А. Кац. **Раскат импровизаций**. – Ленинград: Советский композитор, 1991.

Е. П. Пастернак. **Борис Пастернак. Биография**. – М.: Цитадель, 1997.

Борис Пастернак. **Существованья ткань сквозная**. – М.: Литературное обозрение, 1998.

Зоя Масленникова. **Портрет Бориса Пастернака**. – М.: Присцельс, 1995.

Сергей Дурьлин. **Воспоминания**.

Г. Нейгауз. **Об искусстве фортепьянной игры**. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1961.

Борис Пастернак. **Охранная грамота**. – М.: Современник, 1989.

Ирина Емельянова. **Легенды Потаповского переулка**. – М.: Эллис Лак, 1997.

Николай Оцуп. **Современники**. – Париж.: Орфей, 1986.

* * *

Здесь будет все: пережитое,
И то, чем я еще живу,
Мои стремленья и устои,
И виденное наяву.

Б. Пастернак

Пастернака нельзя себе представить вне Москвы.

О. Мандельштам

Пастернак – поэт города – урбанист.

Н. Анциферов

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда.
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты – вечности заложник
У времени в плену.

Вот какое духовное завещание оставил нам один из величайших поэтов 20 века – москвич по рождению – Борис Пастернак. Москва стала героиней многих произведений писателя, можно сказать, одной из самых любимых его героинь. Многие адреса Москвы помнят поэта, здесь прошла его жизнь и состоялось его творчество.

Б. Пастернак по-особому любил и чувствовал свой родной город: **«Я не люблю Москву – фанерную, показную, нагло прикрывающую нищету мишурой, новыми, аляповатыми фасадами».**

Вспоминая друзей юности, он скажет: **«Часто мы подымали друг друга глубокой ночью. Повод всегда казался неотложным. Разбуженный стыдился своего сна, как нечаянно обнаруженной слабости, к перепугу несчастных домочадцев, считавшихся поголовными ничтожествами, отправлялись тут же, точно в смежную комнату, в Сокольники, к переезду Ярославской железной дороги».**

А Сергей Дурьлин вспоминал: **«Часто мы вместе гуляли по улицам. Однажды он пришел ко мне в подавленном настроении, бродя по городу, мы дошли до Сокольников, остановив меня среди сосен, он сказал:**

– Смотрите, Сережа: кит заплыл на закат и отяжелел на мели сосен... Это было сказано про огромное тяжелое облако.

– Кит дышит, умирая на верхушках сосен.

И через минуту, куда-то взглядевшись:

– Нет, это не то!..

Образ за образом потекли из его души. Все в разрыве, все кусками, дробью, взлетами. И в другой раз, с мукой и тоской, воскликнул он, оскалив белые зубы, как у негра:

– Мир – это музыка, к которой надо найти слова. Надо найти слова!

Я остановился от удивления. Музыкант должен был сказать как раз наоборот: мир – это слова, к которым надо написать музыку, но поэт должен был бы сказать именно так, как сказал Борис. А считалось, что он – музыкант. Я эти слова запомнил навсегда. И «кит» в Сокольниках стал мне ясен: это была попытка найти слова – свои слова! – к тихому плаванью облаков, к музыке предвечерних сосен, металлически чисто и грустно шумящих, перешумливающих друг с другом на закате».

Октябрь серебристо-ореховый,
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

Так тонко чувствовал поэт природу, и чувствами, переполнявшими его при встрече с ней, делился с матерью: **«Вчера я углубился в те Сокольники, где ни ты, ни папа вообще никогда не бывали, этих Сокольников почему-то не знают».**

Особенно часто Пастернак бывал в Сокольниках весной 1917 года, во время создания главной части поэтической книги **«Сестра моя жизнь»**. В Сокольники он ездил вместе с героиней этой книги – Еленой Виноград, которая, как и сам поэт, любила ночные прогулки на природе. Одной из таких прогулок посвящено стихотворение **«Свистки милиционеров»**, в первой редакции оно называлось **«Уличная»**:

И там, где тускнеет восток
Чахоткою летнего Тиволи,
Валяетсядохлый свисток,
В Сокольничьем мусоре вывалян.

Название **«Тиволи»** носил открытый в Сокольниках театр-варьете, частыми гостями которого были артисты Художественного и Малого театров. Первым о **«Тиволи»** написал М. Н. Загоскин в своей книге **«Москва и москвичи»**. **«Тиволи»** неоднократно переносился и перестраивался, его адрес: Сокольническая пл., д. 7.

До революции в **«Тиволи»** были особые весенние и летние программы **«концертов-кабаре»**, которые начинались в 10:30 вечера и заканчивались в 2 ночи.

А что значат слова о милицейском свистке в придорожной пыли? В мае 1917 года в Троицын день в Сокольнической роще милицией были произведены обыски во всех чайных палатках, искали спиртные напитки, запрещенные сухим законом еще в 1914 году. Вероятно, герои стихотворения оказались в парке через два дня после этих событий, когда уже **«бастовали метлы»**, не убравшие **«валявшийся в Сокольничьем мусоредохлый милицейский свисток»**.

25 мая 1917 года состоялась демонстрация дворников, поваров, официантов, рестораторов, прачек, дворников. Несколькими штрихами Пастернак обрисовывает картину запустения:

Улица дремлет призраком.
Господи! Рвани-то, рвани!

Интересна и еще одна деталь – в стихотворении первой редакции есть слова: **«с паперти в дворик реденький»**.

Поэт имел в виду паперть храма Воскресения Словущего у Сокольнической заставы, построенного в 1913 году архитектором П. А. Толстых; председателем строительного комитета стал священник о. Иоанн Кедров. По его инициативе алтарь храма был обращен не на восток, а на юг, в сторону Палестины – **«чтобы направить точно в сторону земной родины Спасителя»**.

Очевидно, этот факт был известен Пастернаку. Алтарю, расположенному на юге, соответствует северный выход из храма со сценами Страшного суда. Этот выход ведет в Сокольники, что и объясняет один из **«темных образов стихотворения»**:

Север злодейств сереет...

Упомянут в первой редакции и **«дворик реденький»**, в который герои спускаются с паперти храма. **«Дворик реденький»** ныне поражает вековыми деревьями с мощной кроной.

Спустя годы Сокольники стали местом действия и **«Повести»**, которая мыслилась как продолжение романа в стихах **«Спекторский»**.

Его герой Сергей Спекторский с датчанкой Анной Арильд, как некогда сам Пастернак, отправляется в парк на прогулку: **«Они поехали в Сокольники. Однако и тут над прудами стлалась та же гарь, с той только разницей, что духота в городе была недоступна глазу, а тут ее становилось видно... Они все быстрее и быстрее кружились по лабиринту мудренейших дорожек, и в то же время выходили к заставе, откуда неся захлебывающийся звон трамваев, спасавшихся от пустых подвод, всей Стромынккой скакавших за ними вдогонку. Трамвайные звякалки точно плескались в иллиуминированном стекле. От них, как от колодцев, несло прохладой. Скоро крайняя и самая пыльная часть бора сошла в деревянных башмаках с земли на каменную мостовую»**. Создавая эти строки, Пастернак, безусловно, вспоминал и свои прогулки по **«мудренейшим дорожкам»** с Идой Высоцкой, которая лето 1911 года провела в Сокольниках на даче: **«Я дружил с девушкой из богатого дома. Всем было ясно, что я ее люблю»**.

В Иду Высоцкую Б. Пастернак был влюблен с юности. Еще в гимназические годы он часто посещал дом ее отца – чаеоторговца – в Чудовском переулке, где давал **«нерегулярные уроки неведомо чего»**. **«Вернее»**, – вспоминал Пастернак в **«Охранной грамоте»**, – **в доме оплачивали мои беседы на самые непредвидимые темы. Я взялся готовить к экзаменам и старшую Высоцкую. О своем чувстве к Высоцкой, уже не новом, я знал с четырнадцати лет. Это была красивая, милая девушка, прекрасно воспитанная и с самого младенчества избалованная старухой француженкой»**. Решительное объяснение между Идой и Борисом произошло в Марбурге через четыре года после описанных им событий. Из **«Охранной грамоты»**: **«Я, страшно волнуясь, сказал, что дальше так продолжаться не может и я прошу ее решить мою судьбу... Она поднялась со стула, пятясь назад перед явностью моего волнения, которое как бы наступало на нее. Вдруг у стены она вспомнила, что есть на свете способ прекратить все это разом, и – отказала мне»**.

Несмотря на отказ Иды стать его женой, они не прекращали встречаться вплоть до ее замужества в 1917 году, после чего она эмигрировала.

Многие стихи Пастернака ранней поры содержат женский образ, навеянный личностью И. Высоцкой. В одном из них запечатлена гостиняя особняка Высоцких в Чудовском:

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Терялась ты в снедающей гурьбе.
Но, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Припомню ль сон, я вижу эти стекла
С кровавым плачем, плачем сентября;
В речах гостей непроходимо глохла
Гостиняя ненастьем пустыря.

В ней таял день своей лавиной рыхлой
И таял кресел выцветавший шелк,
Ты раньше всех, любимая, затихла,
А за тобой и самый сон умолк.

О подобном вечере Пастернак писал в черновике письма, обращенного к Иде, весной 1910 года: **«Вчера в Чудовском был ослепительный Седер¹. Весь стол был в розах, несколько новых людей, смех, непринужденность, потом полнейший мрак к десерту с иллиминированным мороженым, которое проплыло сказочными красными домиками между черно-синих пролетов в сад при натянутых шутках. Потом опять снежная скатерть электричество в хрустале и розы».**

Без сомнения, ореол сказки, чуда, тайны придавало таким вечерам присутствие на них молодой хозяйки, которой Пастернак в том черновике адресовал признание: **«Моя Ида, я не вижу и не знаю ничего сейчас кроме тебя».**

Имя основателя известнейшей в то время чайной фирмы, деда Иды Высоцкой, было Калонимус Зеев Вульф Высоцкий. Он родился в литовском городке Жагаре. В 1858 году дед переехал в Москву и основал чайную фирму, торговым знаком которой был кораблик с поднятым парусом. К концу 19 века ему принадлежало уже 12 фабрик. Его чай поставляли великому князю Николаю Михайловичу и Его Величеству шаху Персии. В годы Гражданской войны популярность фирмы отразила пословица: **«Сахар – Бродского, чай – Высоцкого, Россия – Троцкого».** Огородная слобода – Чудовский переулочек – с 1933 года переулочек получил название переулочек Стопани в память об А. Стопани – партийце. В 1994 году переулочек вновь был назван Огородная слобода, по существовавшей здесь с 17 века Огородной слободе царского двора. В 1900 году архитектор Р. Клейн выстроил дом № 6 в псевдорусском стиле для семьи Высоцких и, в частности, для Давида Васильевича Высоцкого, ставшего директором товарищества чайной торговли **«Высоцкий и К.»**.

Все началось в 1919 году: **«Зари не будет, и в лавках чаю нет»**, – воскликнет герой Пастернака Сергей Спекторский. Традиционные московские чаепития закончились, самовары покрыты толстым слоем пыли... Чай перестали продавать.

Пастернак видит в этом трагическую гибель устоявшегося уклада, наступление **«пещерного века»** в бесприютном городе: **«Жизнь сужалась под шумок отказом то от одного, то от другого. Москва, казалось, уже давно зажила по заветам пещерных людей в одной комнате, еще кое-как отапливаемой, превращающейся в конуру, в логово».**

Восьмигранник, что на Русаковской улице напротив гостиницы «Бородино», отмечает место начала строительства первой линии метро (Сокольническая ветка) в 1934 году. Во время работы Первого съезда писателей в 1934 году произошел забавный инцидент, который вспоминал драматург А. К. Гладков: **«Во время работы Первого съезда в Колонный зал пришла с приветствием делегация метростроевцев. Среди них были девушки в прорезиненных комбинезонах – своей производственной одежде. Одна из них держала на плече тяжелый металлический инструмент. Она встала как раз рядом с сидевшим в президиуме Пастернаком, а он вскочил и начал отнимать у нее этот инструмент. Девушка не отдавала – инструмент на плече – рассчитанный театральный эффект – должен был показать, что метростроевка явилась сюда прямо из шахты. Не понимая этого, Б. Л. хотел облегчить ее ношу. Наблюдая их борьбу, зал засмеялся». Пастернак смутился и начал свое выступление с объяснений по этому поводу»: И когда я, в безотчетном побуждении, хотел снять с плеч работницы Метростроя тяжелый забойный инструмент, названия которого я не знаю (смех), но который оттягивал книзу ее плечи, – мог ли знать товарищ из президиума, вышутивший мою интеллигентскую чувствительность, что в многоатмосферных парах, созданных положением, она была в каком-то мгновенном смысле сестрой мне, и я хотел помочь близкому и давно знакомому человеку».**

¹ В иудейской традиции праздничный пасхальный ужин.

Во время испорченного Пастернаком театрального представления работников Метростроя руководитель их делегации, товарищ Коробов, воодушевленно рассказывал, как изменилась Москва: **«...Нет Китайгородской стены, нет Сухаревки, нет той старины, за которую многие цеплялись, той старины, которая нам мешала переделывать Москву старую на новую социалистическую... Китай, городские камни, камни “сорока сороков” мы загнали в наши туннели и заставили служить делу социализма».**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.